

ИЛЛАТИВ ИЛИ ТЕРМИНАТИВ?.. К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ВХОДНОГО И ПРЕДЕЛЬНОГО ПАДЕЖЕЙ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Финно-угорские языки, удмуртский язык, система склонения, иллатив, терминатив.

Система склонения современного удмуртского языка представлена 15 членами падежной парадигмы, среди которых разграничиваются субъектно-объектные и пространственные падежи. В рамках литературного языка к последним относятся инессив, иллатив, элатив, эгрессив, пролатив, терминатив и аппроксиматив. В удмуртских диалектах спектр пространственных падежей варьируется от 5 до 13: в частности, во многих периферийно-южных и некоторых южных говорах количество падежей имеет тенденцию к сокращению за счет замещения аппроксимативных форм послеложными конструкциями (см. об этом: [Кельмаков, 1998, с. 117]): удм. лит.: *гуртлань* 'в сторону деревни, по направлению деревни' > кукморский говор: *гурт пала* 'перевод тот же'. В отдельных северных говорах и бесермянском наречии удмуртского языка, напротив, количество пространственных падежей увеличилось за счет «возникновения новой серии приблизительно-местных форм с приметой -н' (< *дин'* - 'у, около, при, возле'), препозитивно присоединяемой ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива» [Кельмаков, 1998, с. 118]. Как отмечает Л.Л. Карпова, новые падежные форманты употребляются только с ограниченным количеством лексем: «...в основном их используют применительно к одушевленным именам, выражающим человека, лицо: *нълъдн'э* 'к твоей дочери', *нийэзн'эс'* 'от его сына' и др.» [Карпова, 2005, с. 61].

Имеются ареальные колебания и в плане частотности употребления пространственных падежей, в частности, в некоторых периферийно-южных говорах (в кукморском, буйско-таныпском и др.) значительно реже, чем в литературном языке, употребляется падеж терминатив, заменяясь эквивалентным сочетанием имени существительного с послелогом *дороз'*, *дыроз'* 'до' (см. подробнее: [Кельмаков, 1998, с. 118]): удм. лит.: *бакчаозь* 'до огорода' > буйско-таныпский говор: *бакча дыроз'* 'перевод тот же'; удм. лит.: *валозь* 'до лошади' > буйско-таныпский говор: *вал дыроз'* 'перевод тот же'. Таким образом, проблема функционирования пространственных падежей в удмуртских диалектах может стать предметом специального исследования, поэтому в данной статье мы ограничимся выявлением семантической структуры падежей *иллатив* и *терминатив* в рамках литературного удмуртского языка. Выбор темы обусловлен тем, что данная проблема еще не нашла должного отражения в рамках удмуртской лингвистики. В качестве источникового материала для написания статьи послужили художественные произведения удмуртских писателей.

Морфологическая структура входного и предельного падежей

В системе современного литературного языка входный падеж (*иллатив*) может оформляться следующими морфологическими показателями:

а) *-e/-э*, присоединяющийся к основе большинства имен существительных (а также к основам серийных послелогов): *Куноос бызбыса сямен ураме потйзы* [Коновалов, 1958, с.114]. 'Гости почти бегом выбежали на улицу'; *Гуртэ бертыса, ничи бурдоме четлыке пытсай* [Загребин, 1997, с. 333]. 'Вернувшись домой, я запер маленькую птичку в клетку';

б) *-ы*, присоединяющийся к основе отдельных имен существительных и серийных послелогов (типа *нюлэскы* 'в лес', *доры* 'к, ко'), а также к именам существительным в форме множественного числа: *Лудьёсы, садо сюрес вылэ югытсэ кисьтэ толэзь* [Лямин, 1976, с. 21]. 'букв. На поля, на садовую дорогу проливает свой свет луна';

в) функционирование показателя *-а/-я-* характерно для морфологической структуры имен существительных в форме притяжательного склонения, а также при наличии в структуре слова (имен прилагательных, имен числительных, причастных форм, местоименных основ) указательно-выделительных суффиксов: *Усьтэ капказэ, пыре азбараз, тубе корказяз, пыре корказ* [Ингур, 2004, с. 211]. '[Девушка] открывает ворота, входит во двор, поднимается на крыльцо, заходит в дом'; *Улон интыяз нокинэ пыралляны өз лэзвы* [Нянькина, 1996, с. 33]. '[Костя] никого не впускал к себе в жилище';

г) *-ла*, функционирующий в структуре отдельных топонимов. Как отмечает И.В. Тараканов, «в своем реликтовом виде аффикс *-ла* присоединяется лишь к именам существительным, являющимся названиями удмуртских воршудов, оканчивающихся на *-а* (*-я*): *Пурга, Бигра, Монья, Можга, Тукля, Юмья* и др., которые исторически превратились в топонимы (...). Формы на *-ла* могут осложниться падежными аффиксами местного, исходного, отдалительного падежей» [Тараканов, 2007, с. 127]: *Соку та Пельгала ветлйз, бер вуиз* [Перевошиков, 1997, с. 449]. 'Тогда он ездил в Пельгу, приехал поздно'; *Эграла вуыса, школае мынон сяменыз, Роман Петрович редакциысь тодмозэ пумитаз* [Перевошиков, 1997, с. 26]. 'Прибыв в Эгру, Роман Петрович по пути в школу встретил знакомого из редакции';

д) нулевой маркер характерен для отдельных слов, имеющих в ауслауте гласную *-а* (*корка* 'дом, здание', *куала* 'общеродовое святилище, летняя кухня', *кунокуа* 'гостиница', *гидкуа* 'двор, дворовые постройки', *куа* 'общеродовое святилище, летняя кухня': *Бертыса утча – мон тонэ коркаю пырыны ик уг лэзь ни* [Нянькина, 1996, с. 99]. 'Только попробуй вернуться – я тебя даже в дом не впущу'.

Морфологическими показателями предельного падежа (*терминатив*) в современном удмуртском языке являются суффиксы *-озь/-ёзь* (в случае простого склонения), *-озя/-ёзя-* (в случае притяжательного склонения): *Со-бере Костя сое трамвай дугдылонтйозь келяз* [Перевошиков, 1997, с. 356]. 'Потом Коля проводил ее до трамвайной остановки'; *Нош кускояз лэзьям чиль-чиль сьёд йырсияз шунды тылсиослэн канжаськылыса калзы быре, луоз* [Нянькина, 1996, с. 111]. 'А в ее распущенных жгучих черных волосах, наверняка, застревают солнечные лучики'.

С точки зрения синтагматики как иллативные, так и терминативные показатели предшествуют лично-притяжательным суффиксам: *Со фермаяз мынйсь Нинаеныз огвакытэ ик султйз* [Перевошиков, 1997, с. 537]. 'Он встал вместе с

Ниной, которая в это время собиралась идти на ферму (букв. на свою ферму)'; *Нылаш дунъясь синъёсын йырысеныз пыдозяз учкиз со шоры* [Нянькина, 1996, с. 54]. 'Девушка оценивающим взглядом окинула его с ног до головы'. При наличии суффиксов множественного числа морфологические маркеры исследуемых падежей следуют за числовыми показателями.

Семантическая структура иллатива и терминатива

С точки зрения семантической структуры основными значениями обоих исследуемых падежей является выражение пространственных и временных значений.

Так, опираясь на традиции описания пространственных значений (см. об этом, в частности: [Плунгян, 2000, с. 175; Великорецкий, 2002, с. 13 и др.]), в удмуртском языке можно выделить следующие типы ориентаций: а) эссив, указывающий на нахождение объекта в покое по отношению к ориентиру; б) латив, актуализирующий перемещение объекта к пространству, связанному с ориентиром; в) элатив, маркирующий перемещение объекта из пространства, связанного с ориентиром; г) пролатив, указывающий на перемещение объекта через пространство, связанное с ориентиром. В этом отношении оба исследуемых падежа выражают лативное значение.

В зависимости от семантической характеристики вербальной единицы и наличия дейктических элементов в тексте обе формы могут актуализировать как значение приближения (движение по направлению к кому / чему-либо) или удаления (движение откуда-либо) от дейктического центра, так и значение движения как такового (идти, двигаться).

Используя основные характеристики типологического исследования локальной ориентации, можно выделить следующие общие значения входного и предельного падежей в удмуртском языке:

а) актуализация движения на поверхность ориентира или в пространство, не имеющее четких физических границ (локализация **Super**): *Дыртыса потйз со ураме* [Нянькина, 1996, с. 9]. 'Он [Витя] торопливо вышел на улицу'; *Угловой станциозь Петыр буш платформа вылын бертыз* [Лямин, 1976, с. 79]. 'До станции Угловая Петр ехал на пустой платформе';

б) движение в сторону / на вертикальную поверхность ориентира (локализация **Ad**): *Петыр корка ёсэ йыгаз* [Лямин, 1976, с. 22]. 'Петр постучал в дверь'; *Борддорозь йотскыны нылаш ёз сузвы* [Нянькина, 1996, с. 122]. 'До стены девушка дотянуться не смогла'.

Как показали примеры из художественной литературы, характерным только для входного падежа является указание на:

а) движение в однородное пространство (локализация **Inter**): *Нокинэ кылэм уг поты -коть огшаплы кӧс кыралысь луое пытсаськы* [Нянькина, 1996, с. 128]. 'Никого не хочется слышать – хоть иди и зарывайся в пустыню в песок';

б) движение внутрь ориентира (локализация **In**): *Бодызэ басьтыса, мунчое вამыштйз пересь* [Загребин, 1997, с. 334]. 'Взяв свою трость, старик направился в баню'.

Таким образом, иллативные формы, в отличие от терминативных, с точки зрения включенности в актуализируемое пространство могут участвовать в разных контекстах: они могут выражать как инклюзивное значение, т. е. обозначение направления к пространственному пункту с заходом в него, так и эксклюзивное,

т. е. обозначение движения к пункту без захода. В этом отношении терминативные формы имени существительного не участвуют в актуализации оппозиции инклюзивное / эксклюзивное движение, а чаще всего указывают:

а) в сочетании с глаголами движения – на достигнутый предел или на конечный пункт траектории движения (в пространстве или во времени): *Огырчиозь валэн келязы* [Лямин, 1976, с. 237]. ‘До Агрыза проводили на лошади’; *Ижозь куалекъяса мыноно луоз-а, мар-а, Прохор Петрович?* [Лямин, 1976, с. 106]. ‘До Ижевска придется ехать осторожно, Прохор Петрович?’;

б) на предмет(ы) или вещи, который(е) отстоит(ят) от другого(их) предмета(ов) на некоторое расстояние: *Туктымозь кык ыськем луоз* [Лямин, 1976, с. 264]. ‘До Туктыма будет километра два’; *Пужмо гуртозь ог 40 километр сяна оз кыльыни* [Грязев, 1996, с. 129]. ‘До деревни Пужмо осталось всего около 40 километров’.

Еще одной особенностью дистрибуции входного падежа является то, что в структуре предложения могут присутствовать две и более лексемы, оформленные иллативными показателями. Выражение локализации в этом случае чаще всего происходит от более общего к частному: *Киеве госпитале ваизы монэ* [Лямин, 1976, с. 37]. ‘Меня привезли в Киев в госпиталь’. Использование в структуре предложения более одной лексемы, маркированной иллативными суффиксами, характерно также в случае выражения иллативом различных семантических функций: *Сибирьысь вуэм бераз, Беков селось вукое мельнике медъяськиз* [Лямин, 1976, с. 436]. ‘Когда Беков вернулся из Сибири, он вскоре устроился мельником на мельницу’. Двойного употребления терминативных форм в пределах одного предложения в художественной литературе не обнаружено.

Как и другие пространственные падежи, исследуемые в данной статье, члены парадигматического ряда могут выражать временные отношения: *Нош сюанзэ сійзылэ кельтом* [Лямин, 1976, с. 57]. ‘А свадьбу отложим до осени’; *Со нуналэ гуртам бер вуи* [Хайдаров, 1999, с. 58]. ‘В этот вечер домой я пришёл поздно’.

Следует заметить, что при выражении временных значений в удмуртском языке существуют определенные традиции их морфологического оформления, в частности, имена существительные, обозначающие названия месяцев, дни недели, названия праздников, как правило, маркируются иллативными показателями: *1-тй толшоре котькин Виль арез пумита* [Грязев, 1996, с. 16]. ‘1-го января все встречают Новый год’; *Куартолэзе ортчыл пöсь, көс улйз* [Перевошиков, 1997, с. 497]. ‘В мае погода была очень жаркой и сухой’.

Годичные сегменты, а также названия суток, лексемы *секунд* ‘секунда’, *минут* ‘минута’, *арня* ‘неделя’, *толэзь* ‘месяц’, *ар* ‘год’, *даур* ‘век’ и др. могут маркироваться как иллативными, так и инессивными формами (в ряде случаев с различными семантическими нагрузками): *Кемалась вал ини со, куамынатй аре* [Перевошиков, 1997, с. 292]. ‘Это было давно, в тридцатом году’. Ср.: *Пöртэм трос оз ке но донгиськы, туал арын соиз понна но тау шуод ини* [Перевошиков, 1997, с. 679]. ‘Хотя она и не заработала много, но нынче (букв. в этом году) и за этот доход скажешь спасибо’.

Как показывают примеры из художественной литературы, формы иллатива чаще всего указывают на конкретные временные координаты и выражают период времени, в один из которых совершается действие. В этом отношении удмуртский терминатив чаще всего указывает на временные границы действия: *Ма собере уйшорозь хоккеен шудйзы* [Перевошиков, 1997, с. 514]. ‘А потом они до полуночи играли в хоккей’; *Турнаны нош Герберозь нокин но оз пота* [Ингур,

2004, с. 121]. 'А на сенокос никто не выходил до праздника Гербер'. В контексте отдалительным падежом предельный падеж участвует в актуализации интервала времени протекания действия: *Вожсоос Ымусьтоньисен (6-тй толшор) Йёвылэсултонозь (19-тй толшор) ветло* [Ингур, 2004, с. 120]. 'Ряженные ходят от Рождества (6-го января) до Благовещения (19 января)'.

4. В отличие от входного падежа, удмуртский терминатив может употребляться также для выражения значения предела, которое может актуализироваться с точки зрения следующих позиций:

а) как достижение пространственного предела, при котором обозначается действие, ограниченное локальными характеристиками, в частности, терминативные показатели передают идею длины, высоты, ширины, величины: *Толалтэ азбарысь мунчо вёзы липетозь лымы люкам* [Самсонов, 1963, с. 132]. 'За зиму снега навалило до крыши бани'; *Лымы пöлтй уяса, кускозь гуштылыса тэль уд кора ай, пе* [Хайдаров, 1999, с. 45]. 'Утопая и проваливаясь по пояс в снег, не будешь, де, рубить лес';

б) как достижение временного предела действия – обозначается действие, ограниченное временным пределом: *Соосты толэзёзь будэтйд ке, выль кузёзылы уз дыше ни* [Хайдаров, 1999, с. 148]. 'Если их [щенят] выкормишь до месяца, к новому хозяину они уже не привыкнут'; *18 аресозь со дышетске улыны, 60 аресозь рос-прос улонэн улэ, нош собере ини «кошкыны» дасяське* [Грязев, 1996, с. 10]. 'До 18 лет [человек] готовится жить, до 60 лет он живет полноценной жизнью, а потом уже готовится «уходить»'.

в) как достижение количественного предела, при котором указывается степень проявления признака действия. В частности, в данном случае предельный падеж передает идею интенсивности проявления действия, состояния: *Мылкыд туж урод: депрессиозь одйг вамыш* [Нянькина, 1996, с. 127]. 'Настроение очень плохое: один шаг до депрессии'; *Бератаз кык манетозь вуттйз* [Переверщиков, 1997, с. 215]. 'Затем [цену] сбавил до двух рублей'; *Макем потэ вал Иван Евсевичлэн низэ вузчиозь будэтэмез* [Евсеев, 1995, с. 20]. 'Как же хотелось Ивану Евсеевичу поднять сына до продавца'.

Подводя итоги, следует отметить, что дистрибутивная нагрузка входного падежа примерно в два раза превышает частотность употребления терминатива, что является типологической универсалией: «Указание на начальный и конечный пункты траектории предполагает более полное знание о движущемся объекте; кроме того, оно более уместно в тех случаях, когда предметом обсуждения являются цели, намерения и в целом состояние сознания (активных) участников ситуации» [Плунгян, 1999, с. 219]. Пространственно-временные координаты входного падежа в этом отношении являются более абстрактными, в связи с чем обладают более высокой частотностью употребления.

Список источников

1. Грязев Г.Г. Кирень куректон: очеркёс, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1996. 280 с.
2. Евсеев Н.Н. Пеймыт уй гинэ вералоз: документъёсья гожтэм повесть но очеркёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 144 с.
3. Загребин Е.Е. Тулыс зор: Пьесаос, веросьёс / посл. А.Г. Шкляевлэн. Ижевск: Удмуртия, 1997. 416 с.
4. Ингур: Удмурт фольклоръя лыдзет: Шор ёзо школаослы / сост. Т.Г. Владыкина. Ижевск: Удмуртия, 2004. 352 с.

5. Коновалов М.А. Гаян: роман. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 230 с.
6. Лямин М.А. Шудбур понна: повесть. Ижевск: Удмуртия, 1976. 464 с.
7. Нянькина Н.В. Ваёбыж кар: веросьёс, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1996. 176 с.
8. Перовошиков Г.К. Сюләмтэм дунне: романъёс, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1997. 776 с.
9. Самсонов С.А. Тау тыныд, адями. Ижевск: Удмуртия, 1963. 84 с.
10. Хайдаров Р.О. Ачим: веросьёс, юморескаос, скетчъёс. Ижевск: Удмуртия, 1999. 200 с.

Библиографический список

1. Великорещкий А.Д. Пространство в современных западногерманских и русском языках: Опыт построения метаязыка // Исследования по теории грамматики. Вып. Грамматикализация пространственных значений в языках мира / ред. В.А. Плунгян. М.: Русские словари, 2002. С. 8–34.
2. Карпова Л.Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
3. Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / Удм. гос. ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
4. Плунгян В.А. К типологии глагольной ориентации // Логический анализ языка. Языки динамического мира / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. Дубна: Международный ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 205–223.
5. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 283 с.
6. Тараканов И.В. Удмуртский язык: становление и развитие: сб. статей. Ижевск: Удмуртия, 2007. 288 с.